

Архимагос Телок стоял на вершине высокой башни из стекла и стали, и смотрел на свой умирающий мир. По восковому лицу протянулись трещины, сложившись во что-то похожее на усмешку, когда он впервые ясно увидел его за двадцать пять веков.

Каждый универсальный транслятор в пределах пятисот километров работал на максимальной мощности, и Телок стоял в центре распространявшегося спокойствия. Вдали за пределами их действий мерцали потрескивающие столбы молний, переправляя всё новых воинов его кристаллической армии на “Сперанцу”.

Атака развивалась успешно. Уже было захвачено множество периферийных палуб и главных темплумов. После достижения сингулярности сознания среди воинов-конструктов, полный контроль над кораблём стал математически достоверным.

Телок воспользовался моментом, чтобы насладиться ярким лазурно-синим цветом неба. Атмосфера Экснихлио столь долго страдала от выбросов токсичных веществ и электромагнитного искажения, что он забыл, какой ясной она была.

Цвет был таким, каким он представлял и небеса Терры в далёком прошлом. Или, возможно, её океаны. Древние истории были так переполнены гиперболическими намёками о подобных вещах, что было трудно с уверенностью утверждать что-либо определённое.

Когда он вернётся на Марс и переделает звезду системы, планеты Солнечной системы возродятся, освободившись от прогнивших институтов и ограниченных кретинов на своей поверхности.

Также как и поверхность Экснихлио скоро будет очищена.

Микромеханическая деградация до основания пронизывала весь этот мир с момента захвата хрудов, и без противостоящего ей Дыхания Богов распад всей планеты ускорится по экспоненте.

Телок бросил последний взгляд на окружавший мир, который он построил, и решил, что ни капли не будет по нему скучать. На самом деле он с нетерпением желал увидеть, как его сорвёт с орбиты и уничтожит в разрушительном каскаде временных землетрясений.

Почти в километре внизу у основания гигантской башни стояли казавшиеся крошечными из-за расстояния тысяча кристаллитов, сверкающий почётный караул и свидетели наивысшей точки его величайшего успеха.

Словно собравшиеся на проповедь прихожане, они окружили огромный серебристый купол, куда Телок направил кристаллический корабль с недоверчивыми пассажирами. Телок почти испытывал жалость к Котову, бедному дураку, который думал, что пришёл сюда спасти благодушного изгнанника, а не стать пойманной в ловушку добычей.

Он признал, что допустил ошибку, сразу не убив Котова и его спутников, но тщеславие и эго не позволили бы такому моменту пройти без того, чтобы Котов в полной мере не осознал гениальность Телока. Вызывало досаду, что тиндалосы не убили их в первой стычке, но магос с символами осуждения проявила изобретательность во владении запрещёнными искусствами. Гейс в тиндалосах стал ещё сильнее, доведя их жажду до почти невыносимой глубины. Они уже затягивали новую крепкую сеть вокруг Котова.

И тогда эта висящая нить будет обрезана.

Телок поднял зазубренные кристаллические руки к небесам и широко развёл их, словно какой-то безумный проповедник, готовый явить миру свой шедевр.

И ранее невидимый шов разделил купол пополам.

Дугообразные половины начали расходиться, каждая складывалась по направлению к земле так плавно, что отсюда казалось, словно сегменты просто убирались друг в друга. Эллиптическое отверстие расширялось с каждой секундой, открывая зияющую пустоту. Атмосфера стала напряжённой, как если бы ткань вселенной знала, что происходило какое-то коренное изменение.

В конечном счёте, обе серебряные половины купола полностью исчезли в земле, и на его месте осталась чёрная пропасть шириной в четыре километра. Из неё показались облака охряного пара, словно дыхание.

Телок улыбнулся уместности сравнения.

Он поднял руки, словно заклинатель в самый напряжённый момент призыва или телекинетик, вознамерившийся поднять космический корабль. Хотя, по правде говоря, непосредственно он ничего сейчас не поднимал.

Над пропастью возникло туманное марево отражённого света, напоминая блестящий рой микроскопических отражений. Искажение распространилось завесой умбры, пеленой тумана электромагнетизма, который поднимал Дыхание Богов из заточения в глубинах планеты.

Оно появилось без неуместной поспешности, слишком быстрый подъём нарушил бы запутанный танец непостижимой внутренней архитектуры.

Как всегда Телока очаровало его великолепие.

Даже спустя миллионы лет после заключения, на которое его обрекли его же создатели, и вынужденных мук бездействия, Дыхание Богов всё ещё обладало завораживающей мощью.

Гигантский вихрь невозможных серебряных листьев и вращавшихся граней покинул столь

долго являвшуюся домом гробницу, словно недавно спущенный корабль, который впервые поднимался из сухого дока к звёздам.

Телоку показалось, что его внешние края, и без того уже неизмеримые и непостоянные, расширились. Дыхание Богов покинуло пещеру, где он собрал мерцающие остатки ксеносознания, и теперь могло принять больший масштаб?

Жидкий свет засиял над площадью, проливаясь на собравшихся кристаллитов подобно серебряному дождю. Очертания машины кружились и цеплялись за воздух, смеясь над всеми физическими законами, каждая часть технологии ксеносов вращалась вокруг собственного непостижимого центра невесомости.

Дыхание Богов поднималось в воздух с величественным изяществом.

К ожидавшим его огромным трюмам “Сперанцы”.

Блейлок позволил сенсориуму “Сперанцы” заполнить себя болью. Каждая захваченная палуба образовывала внутри него пустоту, вызывая острое чувство потери. Дахан и капитан Хокинс прилагали все усилия, чтобы остановить кристаллических врагов, но подавляющее численное превосходство противника начало сказываться. Мгновенная координация и связь между различными подразделениями нападавших перевешивали преимущество защитников корабля в подготовленности и знакомстве с конструкцией ковчега.

Блейлок, не двигаясь, сидел на командном троне, подключённый к сенсориуму при помощи нейронного извивавшегося кабеля из позвоночника. Инфопризмы под полированным стальным потолком мостика стали тусклыми и безжизненными, все загрузки теперь проходили через него.

Сознание фабрикатус-локума разделилось на сотни отдельных нитей, каждая управляла охватывающей корабль системой, пока он боролся за сохранение работоспособности “Сперанцы”. Война за удержание физических пространств ковчега Механикус не была единственной войной.

Неизвестные нападавшие сражались в инфосфере.

Золотые переплетающиеся нити Галатеи душили жизненно важные системы “Сперанцы”, в то время как другое присутствие планомерно сжигало их кодом, который оказался мощнее и чище всего когда-либо виденного Блейлоком.

“Сперанца” сопротивлялась? Являлось ли это разновидностью врождённого и до настоящего времени неизвестного защитного протокола, который, словно, наконец, пробудившаяся спящая иммунная система, сражался с инфекцией. Блейлок понятия не имел, но увиденного в инфосфере смертоносного кодового огня было вполне достаточно, чтобы держаться на безопасном расстоянии.

Криптаэстрекс и Азурамаджелли напрямую подключились к своим системным хамам при помощи множества нейронно-импульсных кабелей. Смертельная схватка в инфопространстве не самым лучшим образом сказывалась на ноосфере, и сильная дрожь, сотрясавшая надстройку корабля, сделала тактильные способы соединения ненадёжными.

Хотя оба старших магоса были воинственными, им хватило здравого смысла оставить непосредственное управление боевыми действиями Дахану. Они также защищали “Сперанцу”, но по-своему. Криптаэстрекс обеспечивал постоянное поступление боеприпасов и военной материальной части к сражавшимся когортам, а также отключал энергию и силу тяжести в захваченных отсеках.

После гибели Сайиксека к нему перешло управление инжиниариумом, но все воззвания к духам двигателей отклонялись, не предоставляя доступа к ритуалам запуска. Телок стоял за этим или Галатея, но “Сперанца” не могла покинуть орбиту.

Азурамаджелли вёл свою войну за пределами корпуса “Сперанцы”, пытаясь запустить щиты и создать некоторую форму защиты против неослабевающих разрядов телепортационных молний. Щиты упорно отказывались активироваться, но изменяя плотность и полярность гравиметрических полей вокруг ковчега Механикус, он сумел отклонить множество разрядов.

Пассивные ауспики показывали тысячи безжизненных и неподвижных неудачно переместившихся кристаллических существ, дрейфующих в космосе. Каждый успешный гравиметрический взрыв или провентилированный отсек вызывал машинный рёв смеха из аугмитов Азурамаджелли или Криптаэстрекса, когда они поздравляли друг друга с особенно впечатляющим уничтожением врагов.

< Если бы я не знал вас лучше, то поклялся бы, что вы двое и в самом деле наслаждаетесь происходящим, > произнёс Блейлок. < Впервые вижу, чтобы вы охотно сотрудничали. >

< Наслаждаемся происходящим? > ответил Криптаэстрекс. < Подобное развитие событий не продлится долго, если он продолжит позволять множеству этих проклятых тварей беспрепятственно телепортироваться на корабль! >

< Если бы вы смогли убедить двигатели заработать, мне бы вообще не пришлось этим заниматься! >

Криптаэстрекс выпустил бинарное ругательство, когда перемещавшийся по индукционному рельсу транспорт со снарядами для роторной пушки перехватил недавно появившийся отряд захватчиков.

< Чёрт бы побрал вас и ваше отвлечение, > произнёс Криптаэстрекс, и естественный порядок вещей был восстановлен.

Азурамаджелли ответил язвительным оскорблением и вернул внимание к топографам корпуса,

пытаясь упредить появление следующей перемещавшей врагов молнии.

Только Галатея не участвовала в защите корабля, что не удивило Блейлока. После начала атаки машинный гибрид почти ничего не произнёс. Он шагал по нефу и вдоль мостика на разрегулированных ногах, подёргиваясь и прихрамывая, словно сражался сам с собой.

< Блейлок, вы видите это? > спросил Азурамаджелли. < Атмосфера! >

Блейлок перенаправил основное познавательное сознание за пределы корабля. Восприятие мостика исчезло, и он превратился в огромного бестелесного наблюдателя. Ему даже не потребовалось время, чтобы увидеть, о чём говорил Азурамаджелли. Пока большая часть Экснихлио так и оставалась во власти гиперкинетических штормов или неистовых электромагнитных искажений, внизу среди бурь образовалась тысячекилометровая пустота.

Как и антициклонический шторм Ока Юпитера, она представляла собой совершенную эллиптическую сферу. Улучшенные увеличители Блейлока заметили два запущенных ранее Криптаэстрексом геоформирующих корабля. Каждая терраформирующая десятикилометровая плита казалась незначительным чёрным пятнышком на фоне очищенного внизу неба.

< Вы видите это? > Раздался в голове голос Азурамаджелли.

< Вижу, > ответил Блейлок.

< Думаете, это снова архимагос Котов? >

Блейлок задумался.

< Нет, здесь на лицо признаки преднамеренного действия, > произнёс он. < В этом событии нет ничего случайного. Перед нами завершающая часть всего происходящего. >

< Телок? >

< Кто же ещё? >

< Тогда какие наши действия? >

Блейлок снова сконцентрировался на мостике.

Галатея стояла перед командным тронem, её голова находилась всего в нескольких дюймах от лица Блейлока. Серебряные глаза тела-марионетки впились в него со светом, который казался настолько же ярким настолько и рассеянным. Блейлок отшатнулся от запаха перегретых

биопроводящих гелей и сожжённой электроники перегруженных источников питания.

< Галатея, > произнёс он, но машинный гибрид не отреагировал, словно не понял сказанного. Он попробовал снова, на этот раз, воспользовавшись обычным голосом:

- Галатея.

- Да, Таркис, - ответила она, отстраняясь с рассеянным выражением лица.

- Чего вы хотите?

- Хотим?

- Да, - сказал Блейлок. - Чего вы хотите?

Внимание машинного гибрида разделилось на слишком много отдельных частей, чтобы сфокусироваться на чём-то одном? Затем в центре ненавистных серебряных глаз появилось некоторое просветление. Блейлок услышал болезненный вой оптических приводов.

- Ах, Таркис, чего мы хотим... - произнесла Галатея, с лязгом направившись к посту Азурамаджелли. Если не принимать во внимание принципиальное расхождение в познавательных способностях, они, возможно, происходили из одного мира-кузни. - Вы видите разрыв в атмосфере? Вы понимаете, что это означает? Его важность?

Блейлок не был уверен, что именно имела в виду Галатея, и ответил, опираясь на своё видение:

- Это означает, что мы можем отправить помощь архимагосу Котову, - сказал он.

- Не важно, - ответила Галатея. - Мы вообще не это имели в виду.

- Тогда что вы имели в виду?

- Отрубите голову - и тело умрёт, - сказала Галатея.

- Что?

- Это означает, что после тысяч лет мы, наконец, можем исполнить цель, ради которой пересекли Шрам Ореола, - произнесла Галатея. - Теперь мы можем спуститься на Экснихлио и встретиться лицом к лицу с архимагосом Телоком.

Давление в инфотоке Виталия опасно выросло, ноосфера мерцала от ощущений, и он знал, что на его лице появилась сумасшедшая усмешка, пока он сидел подключённый к кафедре. Благодаря установленному в черепе над входом в кузню “Электрус” пиктеру он видел молитвенный коридор, освещённый мелькавшими потоками зелёной энергии и летевшими в ответ алыми лазерными разрядами.

Палубу покрывали стеклянные осколки атакующих существ, как и несколько разорванных трупов скитариев. Первое столкновение свелось к жаркой схватке с использованием силового оружия и энергетических клинков из мерцающего кристалла.

Виталий предположил, что оно было похоже на сражения древности, когда рычащие и тяжело дышащие люди в простой металлической броне смыкали щиты и толкались друг с другом, нанося колющие удары мечами в ноги, шею и пах, пока одна из сторон не уступала. Кроваво, смертоносно и крайне неэффективно.

Окровавленные скитарии отступили к огненным позициям вокруг закрытой двери, а кристаллические существа начали волна за волной атаковать “Электрус”, словно ведомые волей улья охотники выводка тиранидских роев.

Подключившись к внешним защитным системам, Виталий и Манубия сражались вместе со скитариями, хотя и оставались внутри в безопасности.

< Чрезвычайно интуитивный опыт, > произнёс Виталий в общем пространстве разумов “Электрус”. < Теперь я понимаю, почему некоторые воинственные люди едва ли не жаждут жестокую и сладкую песнь сражения. >

< Вы чувствовали бы себя по-другому, если бы находились на линии огня вместе с истребительными группами, > сказала Манубия со своего поста, управляя оружием, защищавшим второй коридор к “Электрус”.

< Не сомневаюсь в этом, но не дело магосов Адептус Механикус участвовать в перестрелках и получать ранения, > ответил Виталий, корректируя прицел стационарного мультилазера. < Не Грасс ли сказал, что для битвы Омниссия благословил нас скитариями? >

< Неужели? Для магоса, который так думал, Дельфан слишком часто участвовал в перестрелках. >

< Вы его знали? >

< Наши пути... однажды пересеклись на Карис-Кефалоне, > сказала Манубия.

Виталий прочитал предупреждение в ноосфере Манубии и не стал продолжать расспросы, а вместо этого выровнял ствол мультилазера на группе кристаллических тварей со щитами.

Лазерные разряды отражались от щитов или без всякого вреда рассеивались в их решётчатой структуре. Скитарии были оснащены улучшенными механизмами прицеливания, но не обладали повышенной точкой обзора Виталия или лёгкостью прикосновения. Он совсем чуть-чуть сместил прицел мультилазера, учитывая рассеивание, и выпустил шесть последовательных импульсов.

Мощные лазерные разряды испарили встроенные микроскопические машины в воссозданном черепе, затем разделились и преломились, поразив ещё троих щитоносцев.

Едва между щитами появилась брешь, как пара имплантированных гранатомётов выпустила пару вращавшихся кассет точно в центр врагов. Экран Виталия померк в хаосе взрыва, когда осколки острого стекла посыпались ломким дождём.

Виталий закричал от волнения и радостно продолжил охотиться на новые цели.

< Осторожнее, > предупредила Манубия. < Не расслабляйтесь, Тихон, именно в этот момент они достанут вас. >

Более истинных слов невозможно было произнести.

Огромный зверь неуклюже появился из-за угла, великан из стекла и непрозрачного кристалла. Он не обращал внимания на лазерные разряды, а гигантский кратер в его груди заполняло ядро потрескивавших энергий, напоминавшее встроенный реактор.

< Аве Деус Механикус! > воскликнул Виталий, когда существо упёрлось в палубу похожими на камни кулаками. < Что это? >

Поток зелёного огня пронёсся по коридору и врезался в дверь кузни. Внешние пиктеры сгорели, их боль передалась через связь в пространстве разумов.

Виталий отключился и выдернул инфошпы из кафедры. Внезапное разъединение вызвало дезориентацию, и он почувствовал, как руки и ноги дрожат от отражённой боли. Ничего не было видно кроме помех, пока мозг переключался от восприятия мира через поднятый пиктер на оптику Виталия.

Авреем Локк по-прежнему сидел на троне перед хором бритоголовых адептов. Они распевали молитвенные стихи квантовых рун, базовые песнопения для увеличения эффективности отремонтированной машины.

Непроизвольные подёргивания всего тела Локка сказали Виталию, что тот продолжал вести свою безмолвную войну с Галатеей в инфопространстве “Сперанцы”. Два близких друга Локка без дела сидели рядом, словно считали, что происходящее их не касалось. Виталия разозлило, что тот, которого звали Хоук, носил татуировку Гвардии, но не взялся за оружие.

Прямо напротив Виталия располагалась подключённая к своей кафедре Хирона Манубия, её глаза двигались из стороны в сторону под веками. Звуки развернувшегося за пределами кузни сражения доносились даже несмотря на грохот оборудования: взрывы, выстрелы, дикие военные крики, бьющееся стекло. Второй вход держался, но, что насчёт входа, защиту которого поручили ему?

Виталий подозвал товарищей-крепостных Локка, пока пять скитариев занимали позиции позади неисправного оборудования, сваленного в грубые баррикады перед дверью. Белозелёные капли расплавленного металла бежали по её внутренней стороне, и Виталий отметил значительное отклонение от обычного вертикального положения.

– Мы должны стоять здесь? – спросил Койн, нервно касаясь предохранителя тяжёлого штурмового пистолета, словно держал в руках ядовитую змею. – Дверь может не выдержать в любой момент.

– Именно поэтому мы и должны стоять здесь, – ответил Виталий, теперь понимая слова Манубии о том, что значит находиться на линии огня. Он оглянулся на трон и увидел командира группы скитариев, который тащил Хоука и толкал тому в руки лазерное ружьё.

Хоуку придётся сражаться, хочет он того или нет.

Как и всем им.

Виталий снял с пояса гравитонный пистолет Манубии, произнёс бозонные литании и нажал на кнопку активации. Оружие издало довольный гул, и он почувствовал, что оно стало тяжелее в руке.

– Интересно, – сказал Виталий. – Местные гравитационные колебания. Вполне ожидаемо, полагаю.

Скитарии заняли позиции за укрытиями, нацелив на дверь внедрённое оружие. Виталий увидел несколько бронебойных пушек и роторных карабинов. Два полностью бронированных воина с закрытыми шлемами лицами были вооружены громовыми молотами и коническими пронзающими булавами.

Центральная секция двери упала внутрь, уступив необычной силе оружия кристаллитов. Структурная целостность разрушилась, и остальная часть двери быстро последовала её примеру. Виталий заметил двигавшиеся в тумане испарявшегося металла фигуры и поднял гравитонный пистолет. Ствол задрожал, когда химикаты инфотока забурлили по всему телу.

Кристаллические существа ворвались в разрушенную дверь. Первых сбили очередями из автоматического оружия, разбив на осколки с красными краями. Ещё больше врагов атаковало, переступая через останки.

Дугообразные лучи зелёного света устремились в “Электрус”. Виталий знал, что должен стрелять, но пистолет в руке словно превратился в археотек, которым он понятия не имел, как пользоваться. Залпы подавляющего огня ударили по флангам нападавших, но тех не заботило собственное выживание. Обвитый зелёным пламенем кристаллический шип уставился на него. Виталий понимал, что должен двигаться, но вместо этого начал всматриваться, пытаясь определить, каким образом энергии наполняют оружие излучаемыми волнами.

Руки схватили его и потянули вниз за баррикаду, раздражающе помешав закончить спектроскопический анализ.

– Что, во имя Тора, вы делаете? – воскликнул Койн, держа штурмовой пистолет у плеча. – Вы хотите умереть?

– Конечно, нет, – ответил Виталий, одинаково поражённый нелепостью вопроса и собственным глупым поведением. Являлась ли концентрация на маловажных деталях обычным делом во время перестрелки? Все солдаты так себя чувствовали под огнём? Возможно, Дахан знает.

Возможно, изучение физиопсихологии...

Виталий боролся, пытаясь справиться с паникой, понимая, что страх толкал разум искать самосохранение в аналитических механизмах.

Койн вслепую стрелял поверх баррикады, и Виталий последовал его примеру. Он, не целясь, выстрелил из гравитонного пистолета, доверив воинственному духу оружия найти цель. Что-то взорвалось и разрушилось.

Хоук смеялся, выпуская во врагов контролируемые очереди лазерного огня. Он стрелял с укоренившейся эффективностью гвардейца. Виталию показалось, что он плачет и кричит что-то о том, что Император ненавидит его. Это было бессмысленным, но что на войне вообще имело смысл?

Гравитонный пистолет в руке задрожал, указывая на готовность снова вести огонь. Виталий знал, что должен подняться и выстрелить, но от мысли подставить тело под возможное ранение его словно парализовало. Стоявшее сзади оборудование взорвалось от падения пары зелёных разрядов во внутренние механизмы.

Виталий вздрогнул, когда слышал, как умер дух-машина.

Рядом на палубу рухнул боец-скитарий. Вся левая половина тела воина испарилась от оружия ксеносов, оставшаяся часть черепа представляла собой почерневшую чашу мозгового вещества и кибернетических внедрений.

Виталий в ужасе отвёл взгляд. Койн вскрикнул, упал за баррикаду и сжал руку. Его предплечье

превратилось в почерневший обрубок. Глаза Койна от шока расширились словно блюдца.

– Каждый раз, – произнёс он. – Каждый чёртов раз...

Больше выстрелов засверкало. Больше взрывов.

Виталий заставил себя встать на колени и выглянул, собираясь выстрелить из гравитонного пистолета. Он уставился на огромное похожее на великана существо с потрескивающей энергетической сетью в груди. Бледно-зелёный свет наполнял тело, словно освещённая диаграмма нервной системы.

Виталий нажал на спусковой крючок, и кристаллическое чудовище мгновенно рухнуло на палубу. Оно разлетелось на осколки, словно на него наступил невидимый титан “Император”.

В бой вступили скитарии, вооружённые рукопашным оружием. На глазах у Виталия один из воинов вонзил огромную дрель в живот рогатого кристаллического зверя. Тот взорвался шквалом острых осколков, и Виталию показалось, что он услышал миллион криков, которые вырвались из тела умиравшего врага. Воин с громовым молотом размахнулся и уничтожил ещё троих, их тела раскололись во взрывах стекла и кристалла. Ещё двое пали под широкими ударами. Вращавшийся осколок задел щеку Виталия, и он вздрогнул от внезапной боли.

Первый воин погиб, когда очередь коллимированного огня с точностью лазерного скальпеля разрубила его в поясе пополам. Он с криком упал, но продолжал сражаться, даже когда его внутренности вываливались на палубу. Его напарник погиб секунду спустя, когда три существа с вытесненными из рук клинками окружили его и рассекли на части безжалостными ударами, которые казались слишком жестоким, чтобы быть полностью механическими.

Виталий прицелился из гравитонного пистолета в убийцу воина. Он нажал на спусковой крючок, но оружие сердито загудело, его дух ещё не восстановил силы, чтобы стрелять снова. Виталий смотрел на вражеских чудовищ, массовых убийц, выкованных из костей древней науки сумасшедшим.

Хоук присел на корточки и рылся в ранце убитого скитария. Виталий надеялся, что он искал новую силовую ячейку, хотя на лицо были все признаки мародёрства. Койн почти потерял сознание, задыхаясь и уставившись на остатки своей руки.

Скитарии больше не стреляли. Почему они больше не стреляли?

Потому что они мертвы. Все мертвы.

И я скоро буду мёртв.

Кристаллические существа прицелились в дальнюю часть храма. Где Авреем Локк сидел на

троне Механикус. Виталий вспомнил, как сам недавно говорил, что Галатея хочет захватить Авреема живым.

Как же он ошибся. Они пришли сюда убить его.

Постойте. Галатея? Это были воины-существа Телока...

Ожидаемому залпу убийственного огня так и не суждено было произойти.

Воющий вопль бесконечного гнева отозвался эхом от стен.

Виталий услышал металлический звук шагов. Животный рёв. Резкий треск окутанной энергией стали. Стекло взорвалось, когда что-то невероятно стремительное бросилось в самый центр кристаллических зверей.

Оно двигалось слишком быстро даже для улучшенной оптики Виталия, чтобы следить за движениями. Ему пришлось ограничиться мимолётными размытыми изображениями. Дистиллированный гнев, олицетворённое неистовство. Оно убивало без милосердия.

Визжащие электроцепы рассекали стеклянные тела на части как безумный хирург. Мощные усиленные убийственные мускулы разрывали напавших на кузню на бесполезные осколки инертного кристалла. Облачённый в металл череп разбивал стекло в порошок. Оно ревело, убивая, дикое создание ненависти и неутолимой жажды крови.

Виталий видел, как кристаллических существ уничтожили за считанные секунды, превратили в разбитые осколки машиной убийства, которая обрела человеческую форму.

И затем убийца направился к нему.

Виталий никогда не видел аркофлагелланта в бою, только в состоянии покоя.

И никогда не хотел бы увидеть такое снова.

Имя мерцало в прокручивавшемся в кроваво-красной оптике враждебном бинарном коде.

Расселас X-42.

Аркофлагеллант остановился в считанных миллиметрах от Виталия. Он ухмыльнулся, обнажив острые железные зубы, и занёс когти для удара. Почтенный магос чувствовал жар его смертоносной мощи, желание убить, которое было глубже, чем в любых внедрённых боевых доктринах Механикус.

Эта тварь хотела убить его.

И на долю секунды Виталий решил, что так и произойдёт.

Затем, посчитав, что он не представляет угрозы, убийца протолкнулся мимо и встал перед Авреемом Локком, как телохранитель Ассассинорума.

Виталий подавил желание убежать, и в этот момент увидел большую тень, которая вырисовывалась в свете пламени у разрушенной двери.

Там стоял высокий и облачённый в тяжёлые пластины шипящей пневматической брони Тота Мю-32, чей хромовый плащ вздымался в резких порывах жаркого воздуха. Он ударил увенчанным клинком посохом по полу, словно объявлял эту кузню снова принадлежавшей Механикус. Позади него виднелась фигура в кремовой мантии с монозадачной аугметированной рукой и вдавленной железной пластиной черепа.

Судя по ноосферным идентификаторам, его звали Исмаил де Ровен.

Тот, Кто Вернулся.

За Исмаилом и Тота Мю-32 расположились сто воинов в кольчужных облачениях и одеяниях протекторов Механикус. Они выглядели внушительно благодаря боевой аугметике и множеству до абсурдно смертоносного оружия.

– Мы пришли защитить благословлённого Машиной, – произнёс Исмаил и чёрные слёзы потекли по его лицу.

– Со всеми средствами в нашем распоряжении, – завершил Тота Мю-32, с отвращением посмотрев на Расселаса Х-42.

– Возможно, вы опоздали, – заметила Хирона Манубия.

Виталий не понял, что она имела в виду.

Пока не проследил за её взглядом.

И увидел лужу крови вокруг трона Механикус.

Первым, что поразило Робаута после подъёма из чёрных глубин Экснихлио, стало абсолютно ясное синее небо. В последний раз он видел такое чистое небо на Иаксе, когда на первую годовщину взял Катен в путешествие по системе к месту Первого приземления. Он никогда не

ожидал снова увидеть что-то подобное, но безоблачные небеса Экснихлио были столь же синими, как и в воспоминаниях, оставшись навсегда чистейшим океаном.

Исчезли былые стратосферные штормы и разряды молний на горизонте. Отсутствовали даже малейшие следы насилия над атмосферой.

Также он был рад убедиться, что понимание Котовым глубинной инфраструктуры Экснихлио оказалось правильным. Повсюду искрились линейные индукционные рельсы, которые словно изящные аркбутаны пронизывали стальные каньоны между комплексами закрытых транспортных ангаров.

Множество серебристых поездов с коническими носами стояли на гудящих рельсах, окружённые неподвижными сервиторами с безвольными лицами и пустыми глазами. Лишённые команд, они слонялись без дела, ожидая приказов, которые никогда не поступят.

Робаут шагнул в свет, прикрыв ладонью глаза и улыбаясь вновь увиденным чистым небесам. Невидимая ноша упала с его плеч при виде такого синего великолепия.

- Что случилось? - спросил Танна, сняв шлем и вдохнув чистый воздух. - Где штормы?

- Ультрабыстрое терраформирование, - ответила Павелька, ссутулившись и вымотавшись от долгого подъёма. - Активированы все универсальные трансляторы на сотни километров вокруг.

- Зачем?

- Эндшпиль Телока, - сказал Котов, показывая между ромбоидальными башнями раздваивавшегося индукционного рельса. - Их запустили по той же самой причине, по которой мы активировали одну из них - чтобы доставить кое-что на "Сперанцу".

Робаут проследил за механодендритами архимагоса и почувствовал комок тошноты в животе, когда увидел болезненное мерцающее сияние.

- Нет... - произнёс он, глаза заслезились от размытых очертаний вращавшихся переплетённых серебряных листьев и невозможных углов. Это разыгралось его воображение или Дыхание Богов стало больше? О его размерах вообще можно было что-то говорить с определённой уверенностью?

Один за другим подходившие эльдары, смертные, Механикус и постлюди с изумлением наблюдали за вознесением адской машины Телока. Независимо от происхождения, каждого из них завоροжил неестественный свет и попрание физических законов.

- Отвратительное рождение, - произнесла Бьеланна. - Слезы машины Ингир покинули погребальную утробу.

В глазах ясновидицы вспыхнули жестокие огоньки, и бремя возраста, которое видел Робаут, ушло. Чёрные линии под фарфоровой кожей стали золотыми прожилками на самом бледном мраморе. Казалось, что каждому из эльдаров придало сил излучаемое Дыханием Богов сияние. Полезное напоминание о том, что их чувства были сделаны не из того же теста, что человеческие.

- Всё время становится единым, - сказала она. - Даже когда нити прошлого и настоящего перерезаются, круговорот машины притягивает новые нити из будущего.

- Что это значит? - спросил Робаут.

- Новая жизнь дарует свой свет тем, кто её окружает, - ответила со слезами на глазах Бьеланна. - Это означает, что я обновляюсь. Это означает, что те, кого я считала потерянными навсегда, ещё могут получить шанс на жизнь.

Поезд представлял собой широкофюзеляжный грузовой транспорт. Он почти бесшумно и на невероятной скорости нёсся по линейным индукционным рельсам среди высоких шпилей мира-кузни. Он проезжал сквозь многочисленные промышленные комплексы, и внутри каждого виднелись явные признаки навсегда оставленного мира. Дыхание Богов поднималось на "Сперанцу" и Экснихлио больше не было нужно Телоку.

В каждой кузне неподвижно стояли сервиторы, чей трудолюбивый и исполнительный труд больше не требовался. Без их внимания оборудование грохотало и приближалось к опасной черте, за которой последует разрушение.

Машины Экснихлио умирали. Монолитные инфохранилища плавились без надлежащих обрядов успокоения. Генераторы изрыгали огонь и молнии, пока капризные реакторы вращались до критических уровней.

Котов находился в отделении водителя и пытался проложить маршрут, пока Павелька искала доступ к системам, ответственным за переключение рельсов.

Всё ради того, чтобы доехать до места, откуда поднималось Дыхание Богов.

До места, где был Телок.

А убийство Телока - это всё, что осталось Танне.

Он опустился на колени на решётчатый пол во втором отделении поезда, опустив перед собой меч острием вниз. Гарда оружия располагалась на уровне глаз, и Танна смотрел на образующего рукоять расправившего крылья беркута, восхищаясь искусным мастерством ремесленников.

Цепной меч нельзя назвать изящным оружием. Ни один знаменитый мечник никогда не владел им, и ни в каких эпических поединках никогда не сражались таким оружием. Это был клинок мясника, инструмент, созданный убивать настолько быстро и эффективно насколько возможно. И всё же этот клинок был совершенен, как и чёрный меч Варды. Дух внутри остался столь же острым, какими некогда были и его зубы.

Танна встал, поднял и повернул оружие. Он проверил вес клинка и сжал пальцы на рукояти, оценивая, как меч лежит в руке.

- Что-то изменилось? - спросил Варда.

- Легче на несколько граммов из-за выпавших зубьев, но во всём остальном не изменился, - ответил Танна.

- И мой, - согласился Варда, рассекая воздух полуночным клинком чёрного меча и внимательно изучая лезвие. - Думаешь, адепт Павелька всё же что-то сделала?

- Остаётся только надеяться, - сказал Танна. - Каким бы техноколдовством она не обработала клинок, я не могу его обнаружить.

Варда опустил меч и поднял руку Танны, к которой был цепью прикован меч. Звенья согнулись после схватки с тиндалосами.

- Твоя цепь, - произнёс Варда. - Она скоро порвётся.

- Ты беспокоишься, что я выроню меч?

- Нет, ни в коем случае, - ответил Варда.

- Тогда о чём?

- Настанет ли время, брат, когда я удостоюсь чести починить твою цепь, как ты починил мою.

Танна понимающе кивнул и сжал протянутую руку Варды, приняв предложенное чемпионом Императора братство. Остальные Чёрные Храмовники подошли к ним с обнажённым оружием и мрачными лицами.

Все они чувствовали одно и то же.

Крестовый поход близился к завершению.

Едва Танна подумал об этом, как крыша поезда смялась от множества сильных ударов. Оглушительный лязг железа о сталь. Похожие на мечи когти пробili металл, и гладкая крыша поезда отогнулась назад. Турбулентный воздух ворвался внутрь. Окна выбило, фюзеляж поезда смялся, и внутри захлестали высоковольтные кабели.

Танна бросился в сторону, когда что-то огромное и серебряное прыгнуло в поезд. Громадное тело, оживлённое изумрудным колдовским огнём. В глазах пелена мёртвой статики и голод.

Выскользнули эбеново-чёрные когти.

- Тиндалосы! - крикнул он.

Глоссарий:

Bosonic Rites - бозонные литании

Caducades Mountains - Кадукадские горы

Cthelmax - Ктельмакс

data-stack - инфохранилище

Dataproctor - инфонадзиратель

Incaladion - Инкаладион

Jovian Eye - Око Юпитера

Martian synod - Марсианский синод

Secutor temple - храм Секутора

Zethian - зифианец

<http://tl.rulate.ru/book/30591/659687>